

УДК 271.22(470+571)(476)-67-9

**ОТНОШЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ
К ОБНОВЛЕНЧЕСТВУ (в 1920–1930-х гг.)****В.В. БАРАНЕНКО***(Полоцкий государственный университет)*

Рассматривается трансформация отношения верующих к обновленчеству в первые два десятилетия советского строя. Анализируются процессы, тем или иным образом повлиявшие на отношения верующего населения к обновленческому духовенству. Опираясь на материалы белорусских и российских архивов, показано, что реакция верующего населения к новому церковному движению зависела в первую очередь от отношения к данному движению настоятеля храма либо правящего архиерея. Большинство же верующих, преимущественно сельских жителей, неграмотных и малосведущих в терминологии, не разделяло священников на «тихоновцев» и «обновленцев».

Ключевые слова: обновленческие структуры, духовенство, государственная политика, церковные ориентации.

Введение. Актуальность исследования определяется особой ролью Русской Православной церкви в жизни белорусского общества. Ее влияние на формирование социальных процессов и взаимосвязей придает существенную значимость исследованиям ее истории. Рассмотрение реакции верующих на действия обновленческих структур в период, когда прихожане получили возможность воздействовать на течение приходской жизни, могут оказать значительное влияние на разрешение многих кризисных ситуаций современности и выработать эффективную, отвечающую современным реалиям государственную политику взаимодействия с церковью.

Касаясь вопроса изученности проблемы отношения белорусского верующего населения к новому церковному образованию, следует отметить, что собственной историографии исследуемая тема практически не имеет. В основном проблемы отношения верующих к обновленчеству на территории Беларуси затрагивались лишь фрагментарно в изучении смежных тем или в работах общего характера.

Настоящая работа должна компенсировать указанные пробелы в рассматриваемой тематике, что позволит получить более объективную картину не только церковно-приходской жизни в межвоенный период, но и положения Русской Православной церкви на белорусских землях в первые десятилетия советской власти.

Основная часть. В начале 1922 г. советским руководством была сделана ставка не на разгром, как в период Гражданской войны, а на всестороннее ослабление Церкви посредством организации раскола и отстранения от власти патриарха Тихона [50, с. 95–96].

За основу будущей церковной организации, которая должна была противостоять патриаршей церкви большевиками было взято т.н. «прогрессивное» духовенство, выступавшее за «обновление» церкви и в последствии получившее данное название.

Обновленцы выступали за объединение духовенства и мирян путем реформ, за соборное управление церковью, допущение женатого епископа, второбрачие священников, введение в богослужение русского языка вместо церковнославянского, использование григорианского календаря. Относительно церковно-приходской жизни обновленцы выступали за широкий в ней демократизм вплоть до выбора мирянами клира, свободного доступа мирян к пастырскому служению, в том числе и женщин – к должности дьяконисс, и равного участия мирян в высшем церковном управлении. Кроме того, реформа требовала ликвидации «епископского деспотизма», свободного доступа к епископскому званию даже женатых священников [52, с. 17–18].

В результате поддержки советской власти в мае 1922 г. обновленцы создали Высшее церковное управление (ВЦУ), чем положили начало существования нового церковного течения внутри Русской Православной церкви. Появились обновленческие организации: «Живая Церковь», «Союз Церковного Возрождения», «Союз общин древлеапостольской Церкви» и др. [3, с. 3–4].

Часть православного духовенства, во главе с патриархом Тихоном, которая не поддержала реформирование церкви и выступила против «обновленцев», получила название «тихоновцев».

Оформление обновленческого движения как самостоятельной церковной ориентации в белорусских епархиях происходит во второй половине 1922 г. При негласной поддержке госорганов представители обновленчества стали захватывать церковную власть на местах [12, с. 40–45]. Уже к концу 1922 г. во всех белорусских епархиях¹ (кроме Минской) были сформированы обновленческие Епархиальные управления.

¹ В данной работе под белорусскими подразумеваются следующие епархии: Витебско-Полоцкая, Могилевская, Минская, Гомельская.

Обновленческое движение не получило широкой поддержки на территории Минской епархии, особенно в г. Минске в результате деятельности епископа Минского Мелхиседека (Паевского), который пользовался большим авторитетом в среде местного духовенства и верующего населения [4, с. 195–200]. На начало апреля 1924 г. в Минске у обновленцев не было ни одного храма [44, л. 8]. Всего на территории Минской епархии на середину 1924 г. насчитывалось лишь 5 священников обновленческой ориентации [5, л. 173].

Вслед за организацией новых епархиальных структур в белорусских епархиях начались попытки вовлечения приходского духовенства в обновленчество. По епархиям были разсланы воззвания о необходимости созыва окружных съездов духовенства с целью выяснения их отношения к новой церковной власти. Захват церковной власти, как правило, происходил без ведома и участия верующих. Присутствие мирян на данных съездах запрещалось [54, л. 2]. В некоторых епархиях в данных воззваниях содержалась приписка о том, что не согласные рисковали потерей прихода.

Угроза наводила на размышления и настораживала духовенство, тем не менее, распоряжение Епархиального управления было принято к исполнению, хотя не везде сочувственно и с доверием [54, л. 2; 6, л. 92]. Белорусское духовенство по отношению к новой церковной власти разделилось на три лагеря: одни признали обновленчество по идеологическим усмотрениям либо в результате боязни репрессий, вторая – отвечала молчанием на все приглашения войти в состав «Живой Церкви», а третья – от записи уклонялась, считая всякие группировки и новости вредными для единства Церкви [6, л. 92; 7, л. 95].

Реакция прихожан по отношению к обновленчеству и захвату церковной власти на местах была разнообразная. Городские прихожане, преимущественно кафедральных городов, восприняли данные события в своем большинстве неодобрительно. Согласно отчету уполномоченного по Гомельской епархии протоиерея Иоанна Гашкевича «Городские верующие более фанатично и враждебно настроены к обновленчеству, вероятно потому, что считают себя более просвещенными, сознательными и прочее пред сельским населением. Среди верующих, как обновленческих, так и тихоновских приходов замечается сильный рост индифферентизма» [17, л. 15–15об.].

Тем не менее, в тех приходах, где приходские священники признали обновленчество, верующие не особо вдаваясь во внутрицерковные события, происходящие в Москве и центрах епархий, продолжали посещать храмы без каких-либо эксцессов. Данное правило действовало и в обратном порядке: в тех приходах, где настоятели заняли выжидающую позицию, либо вовсе не признали новую церковную власть, верующее население боялось богохульства и не шло за «Живой Церковью» [6, л. 92; 7, л. 95]. Таким образом, на этапе возникновения обновленческого движения, отношение верующих к новой церковной власти зависело в первую очередь от позиции приходского духовенства к данному церковному течению. Определенную роль в ослаблении недовольства верующих новой церковной властью сыграли государственные органы [54, л. 3]. Обновленцы за тесное сотрудничество с советской властью среди верующих именовались «красное попы», «живцы» и т.д. [56, л. 5; 36, л. 3].

На этапе захвата церковной власти на местах большинство сельских верующих находилось в полном неведении о происходящих событиях в церковной жизни в центрах епархии. Частыми были случаи, когда священнослужители, подчинившись обновленческим органам, в приходах не афишировали свою принадлежность к обновленчеству, боясь реакции верующих на данную новость [54, л. 2–3].

Духовенство патриаршей церкви пыталось вести борьбу с обновленчеством посредством проповедей и агитации среди верующего населения, всячески дискредитируя новое церковное движение.

В результате этого, со стороны верующих, которые придерживались традиционной церковной ориентации, имело место применение физической силы в отношении оппонентов традиционной церкви.

В мае 1923 г. на Минскую кафедру был назначен Могилевский обновленческий епископ Сергей (Иванцов). Между местным духовенством и верующими происходит конфликт с вновь назначенным архиереем: «13 сентября 1923 года, когда Епископ Сергей шел в кафедральный собор для совершения всеобщего бдения накануне Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня возбужденная толпа под предводительством Андрианова (у него Мелхиседек жил на квартире), Ковалевского и племянника Васюковича – сальника с нижнего рынка тоже Васюковича, преградила Епископу Сергию вход в Собор. Причем во время борьбы на Сергии была порвана ряса и крепа клобука. Оказать какую-либо помощь Епископу Сергию не представилось ни какой возможности, так как бунтари никого из собора не выпускали и их была очень большая толпа и на их стороне было почти все Минское духовенство, однако после почти часовой борьбы Епископу Сергию удалось проникнуть внутрь храма. Из соборного духовенства остался только ключарь протоиерей Антоний Киркевич и архидиакон Александр Чаплин. Остальное духовенство, псаломщики и певчие разбежались. Службу начал ключарь с архидиаконом, он же исполнял обязанности певцов и чтецов. Крест был вынесен Епископом Сергием, но по его уходе Крест кем-то был взят обратно» [22, л. 11об.–12].

14 сентября 1923 г. в праздник Воздвиженья в кафедральном соборе обедню служил ключник без диакона. От верующих не было ни единого человека. После данного скандала епископ Сергей больше в

собор не приходил и в скором времени уехал в Москву. Кроме кафедрального собора обновленцы были выдворены и из Спасо-Преображенской церкви (находилась на территории бывшего женского монастыря) [13, л. 146–146об.].

Нередкими были случаи, когда простые верующие и их приходские священники также выражали протест и возмущение действиями «обновленцев», но, отвергая радикальные методы, предпочитали действовать в правовом русле. Так, 14 января 1923 г. в храме Единоверческого прихода Полоцка проходило общее заседание верующих православного вероисповедания, на котором решали отношения местных верующих к обновленческому движению и Высшего церковному управлению, а также к новому епархиальному руководству Полоцко-Витебской епархии.

Общее собрание верующих постановило следующее:

«1) Нет вступать с обновленцами ни в какие сношения, не признавать их центральную (Высшее церковное управление) и местную (Витебский епископ и Витебское церковное управление) власть.

2) Организовать в г. Полоцке свое церковное управление.

3) Всеми моральными и духовными силами защищать свою православную веру от всякого насилия обновленцев, и для поддержания других приходов епархии, войти с ними в общение» [9, л. 36–36б]. Похожие события имели место и в других белорусских епархиях [15, л. 47–47об.].

Священники, которые категорически не признавали обновленчество, подвергались репрессиям со стороны новой церковной власти. Одним из примеров этого может служить попытка Витебского епархиального управления отстранить от должности настоятеля Богоявленской церкви г. Полоцка Серафима Захарова, который категорически отказался признавать обновленчество, на основании того факта, будто он самовольно покинул приход и уехал из Полоцка на длительный срок [10, л. 571].

На деле священник отсутствовал только неделю по личным делам с разрешения благочинного и с ведома прихожан.

Прихожане выступили в защиту своего настоятеля и за сохранение своего прихода.

3 декабря 1922 г. на приходском собрании Богоявленского прихода было решено обратиться к государственной власти с ходатайством о защите их от давления Государственного политического управления и губернских епархиальных властей на совесть верующих и духовенства. Верующие признали факт отъезда недостаточным для отстранения священника от должности и лишения прихода самостоятельности, о чем и было доведено до сведения Витебского епархиального управления и гражданской власти. Пользуясь свободой вероисповеданий в РСФСР и являясь самостоятельной юридической единицей – приходом, люди отметили свободу объединения в самостоятельный приход, выбор своего духовного руководителя, и на основе этого оставили своим настоятелем С. Захарова [10, л. 572]. В результате действий прихожан С. Захаров продолжил свою службу в Полоцке, но позже был переведен в с. Трдовичи Освейского района [57, с. 173].

Третий лагерь верующих был менее радикальным, занимая нейтральные позиции по отношению к «тихоновцам» и «обновленцам» [55, с. 50; 17, л. 15–15об.]. Большинство же верующих, преимущественно сельских жителей, неграмотных и малосведущих в терминологии, не разделяло священников на «тихоновцев» и «обновленцев», обвиняя в церковных междоусобицах действующую власть, которая планомерно проводила антицерковную линию, что, в свою очередь, вело к частичному угасанию церковной жизни.

Таким образом, отношение верующих к обновленческому движению зависело в первую очередь от отношения к нему местного духовенства, имевшего определенный авторитет среди последних.

В 1923 г., в результате обновленческого Всероссийского Поместного Собора, были узаконены реформы неканонического Высшего церковного управления: была принята резолюция о закрытии монастырей (кроме тех, которые были организованы по типу рабочих общин); допускался белый епископат; священникам разрешалось второй раз вступать в брак, был введен новый, григорианский календарь. Собор вынес резолюцию о поддержке советской власти и заочный приговор о снятии сана и лишении монашества патриарха Тихона. Догматические и литургические реформы на данном Соборе были отвергнуты [8, с. 2–14]. Происходит трансформация аморфного обновленческого движения в структурируемую церковную организацию.

Летом 1923 г. обновленцы начали проводить реформирование церкви на основе постановлений Второго Всероссийского Поместного Собора. Воплощение в жизнь обновленческих церковных реформ среди верующих вызвало негативную реакцию. Наиболее радикально в среде верующих была воспринята реформа календаря. Верующие негативно отнеслись к введению нового стиля в церковную жизнь [2, с. 375]. Многие прихожане, привыкшие распределять свои хозяйственные работы с учетом церковных праздников, противостояли разрушению привычного для них церковного и хозяйственного быта. Между тем, новый календарь коренным образом затрагивал быт верующих, что в особенной степени проявлялось в сельской местности. Отстаивавших новый календарь священников крестьяне стали попросту изгонять из приходов [57, с. 87].

В конце июня 1923 г. на свободу выходит патриарх Тихон. После освобождения патриарх выдает воззвание всему духовенству и верующим, в котором осуждает представителей обновленческого движе-

ния и предает анафеме членов ВЦУ [1, с. 288–292]. Начинается массовый переход приходов от обновленчества в лоно патриаршей церкви.

Патриарх Тихон о внедрении нового стиля в церковную жизнь писал: «против него [нового стиля] единодушно восстал почти весь народ. Везде повторилась одна и та же картина: в праздники по новому стилю не приходил в церковь народ, в праздники по старому стилю, несмотря на требования народа, не решалось отправлять богослужение духовенство. Иногда народ заставлял насильно священников совершать богослужение по старому стилю» [1, с. 334]. Похожее положение сложилось и в белорусских епархиях.

Протоиерей г. Дубровно Е. Лавронович относительно перехода на новый стиль в богослужении вспоминал: «в моем деревенском приходе были такие случаи, что венец был и по новому на праздник и по старому, а моя просвирня постилась и по новым началам Петровок и продолжала этот пост и по старому стилю – эта уважаемая женщина... «задавала тон в приходе», и, вот, и старый и новый стиль поста и праздников службу соблюдала и просила бывало служить и по новому и по старому» [41, л. 3]. Священники, дабы не быть отстраненными от храма переходили на старый стиль [18, л. 57].

Описывая положение обновленчества, благочинный Второго округа Чаусского уезда А. Тужов отмечал: «Отношение членов причта к обновленческому движению в церкви сознательно-сочувственное, но не одобряется только стремления к быстрому, без подготовки верующих, изменению внешних норм и обрядов в церковной жизни не имеющих никакого значения в деле спасения человека. Между тем, эти изменения, вызывая в темной верующей массе подозрения в измене православию, создают тяжелые условия для пастырей в их делании на Ниве Христовой. Нажим со стороны темной верующей массы, материальная необеспеченность и зависимость от прихожан – заставляют некоторые причты поколебаться в своих отношениях к обновленчеству» [46, л. 2об.].

В результате резкого негативного отношения к календарной реформе верующими, чтобы прекратить их отток к представителям традиционной церкви, на обновленческом Поместном Соборе 1925 г. было принято решение проводить данную реформу только в тех местах, где это представляется возможным [49, с. 18]. В последующие годы обновленческие реформы были сведены до минимума, в результате чего отличительные особенности между «обновленческой» и «тихоновскими» церковными ориентациями были сглажены [41, л. 2–4об.].

Отменив часть наиболее острых церковных реформ, обновленцы, с точки зрения верующих, перестали иметь какие-либо различия. «Взгляд [прихожан] на церковное положение таков: ни староцерковничество, ни обновленчество измены православию не творят. Разница во взглядах на нравственно-бытовые условия нового строительства страны, для коего прихожане в большинстве лишь зреют. Отсюда клирики в оба смотрят, чтобы не остаться без прихода. Разумеется, всякие подходы на обложение церквей, взносы – обоюдно-острый меч», [24, л. 11] – писал в Белорусский Священный Синод епископ Оршанский Капитон Лавров.

Несмотря на первоначально негативное отношение к обновленческим реформам к середине 1920-х гг. на территории БССР насчитывалось более 600 обновленческих приходов [16, л. 25; 45, л. 26об.], что составляло около 50% всех действующих православных храмов на территории БССР [11, с. 92]. Большинство приходов БССР Минской епархии принадлежала сторонникам Белорусской митрополии (чему способствовал авторитет правящего архиерея Мелхиседека (Паевского) среди местного духовенства и верующего населения), то «обновленцы» имели преимущество в Полоцко-Витебской и Могилевской епархиях.

Такой успех обновленчества был обусловлен не только приостановкой осуществления радикальных церковных реформ, но и негласной поддержкой новой церковной организации государственными органами. В мае 1924 г. в результате проведения Белорусского Православного Собора обновленцы единственные получили легальную церковную структуру (в гражданском плане) на территории БССР. Православное духовенство, желая избежать репрессий как со стороны ГПУ, так и со стороны новой церковной власти переходило под его руководство.

Следует отметить, что во второй половине 1920-х гг. верующие уже были осведомлены о существовании обновленчества, но не во всех местностях еще сталкивались непосредственно с обновленческим духовенством. При посещении обновленческими священниками соседних приходов верующие с прилегающей местности проявляли большой интерес к данному событию. Имели место случаи, когда в храме собиралось несколько тысяч прихожан чтобы посмотреть, как обновленцы служат [19, л. 13].

Как отмечало Минское епархиальное управление: «многие сельские приходы не реагируют на разногласия и принимают одинаково любезно и Синодальных и тихоновских священников. Создается положение: кто скорее даст священника, за тем и приход» [23, л. 21].

Протоиерей Петр Шимкович на съезде духовенства и мирян Оршанской епархии 19 июля 1928 г. отмечал тот факт, что «народ в своей массе относится к нам [обновленцам] спокойно. В случае нужды обращаются из тихоновских приходов к обновленческим священникам за исполнением треб – крещения младенцев, напутствования больных, погребения умерших, а равно и наши обновленцы – к священникам тихоновских приходов. Все зло идет от духовенства» [29, л. 39об.].

В то же время существовали такие приходы, где верующие строго придерживались традиционной ориентации. В результате чего священники, которые переходили в обновленчество в данных приходах ставили перед Белорусским Священным Синодом условие сперва открыто не объявлять переход в обновленчество, дабы не подвергнутся изгнанию из приходов [27, л. 66об.].

Во второй половине 1920-х годов также имели случаи применения силы по отношению к своим оппонентам. В результате активной агитации и идеологической пропаганды духовенства патриаршей церкви случались определенные эксцессы в обновленческих храмах. Так, согласно рапорту священника и церковного старосты Ничипоровской Петро-Павловской церкви в Белорусский Священный Синод «прихожане Ничипоровичской Георгиевской церкви (тихоновцы), по подстрекательству священника Кирилла Билецкого и диакона Грибковского, ворвались в наш Петро-Павловский храм, бесчинствовали, сквернословили и насильничали. Отняли у церковного старосты Михаила Новикова ключи от храма и кассы и самую кассу» [21, л. 23].

Следует отметить, что обновленческое духовенство также не пренебрегало данными методами. Белорусский Священный Синод относительно работы по продвижению обновленческих идей на местах отмечал: «Систематически правильная переработка мнения прихожан должна дать математические точные успехи. Отсюда настает необходимость углубить работу в соборном приходе в сторону внедрения обновленчества идеологии. Для сего частично необходимо рельефнее оттенить церковные ориентации вне обновления и обличить доказательно ложь самой их природы, как организации не церковных, маскирующих свое подлинное политическое лицо в угоду лояльности современному строю и одевшись в рубище угнетаемых староцерковников. Надо показать церковной массе монолитность церковного обновления, живое и любовное общение его с Православным Востоком и отсюда вывести незыблемость основных признаков Синодальной церкви» [35, л. 75].

Имели место случаи, когда между настоятелем и некоторыми членами приходского совета одной ориентации случались конфликты, главной причиной которых были финансовые средства общины. Согласно положениям Всероссийских приходских уставов 1923 г., 1925 г. и Всебелорусского приходского устава 1926 г. денежными средствами обладал староста, который избирался из числа мирян приходским собранием на срок не более 3 лет. Избранные лица на данную должность часто использовали свои полномочия в корыстных целях [42, л. 19об.–22об.; 26, л. 5об.–6; 28, л. 4об.–5;]. В 1925 г. (в Белорусской обновленческой церкви – 1926 г.) были созданы ревизионные комиссии, чтобы избежать конфликтов между клириками и прихожанами по финансовым вопросам. Данный контролирующий орган состоял из 3 членов приходской общины, в обязанности которого входило постоянное наблюдение за церковным имуществом и проведение ревизий денежных средств и произведенных расходов церковной общины. Проверка должна была проходить не реже чем 3 раза в год [48, с. 7].

Однако создание ревизионных комиссий не решило приходские проблемы. Согласно докладу епископа Иоанна (Глыбовского) о состоянии Полоцко-Лепельской епархии отношения между клиром и церковно-приходским советом оставляли желать лучшего: «Церковные старосты в контакте с советами и ведут дело не безукоризненно. Если привлечь к контролю, то совершенно бросают службу, как и советы, ссылаясь на репрессии извне. Организовать новый совет или избрать старосту оч. трудно, все боятся чего-то и не вступают в члены совета. Есть даже вредные для церковного дела, напр. староста Гарбачевской церкви, имея деньги, как бы нарочно не вносит страховых платежей, нерадив и староста Дворжицкой церкви, подпав под внимание вредных элементов. Священники во всем зависят от прихода, боятся протестовать, а где священник берет под свой контроль поступления в церковь, там начинаются брожения, по инициативе совета или старосты, так напр. в Лютювском приходе за это по-видимому некоторые неудовольствия на священника Григория Шпака» [38, л. 38].

Случалось, когда священники, не найдя взаимопонимания с церковными старостами, оставляли свои приходы: «Председательница ц. совета отказалась уплачивать взносы, говорит, что наша церковь не в состоянии платить, то это несправедливо средства имеются. Я заявлял об уплате как на Священный Синод, также и на Епархиальное Управление, но ничего не могу сделать с ней потому, что она выбрана еще до моего приезда и очень скверная своим положением и совестью. Так что в дальнейшем служить не могу. При церкви существует община верующих. Но церковный совет из 5-ти членов и ее родственников и не в каком случае невозможно переизбрать ц. совет. Председательница она же и староста, и казначей вся сумма денежная находится у нее», [42, л. 20–20об.] – писал священник Баноньской церкви Полоцкого округа в Белорусский Православный Священный Синод.

В 1929 г. происходит постепенное ужесточение государственной политики в отношении Церкви, которое приводит ко второму (после антирелигиозных репрессий 1918–1922 гг.) большому наступлению Советского государства на духовенство. Данное изменение религиозного курса в политике государства в первую очередь отразилось на обновленческой ориентации. Имея негласную поддержку государственных органов, обновленцы в меньшей степени, чем представители других церковных течений подвергались гонениям в 1920-е годы. Отныне же представители ГПУ и государства уже не обращают внимание на определенные церковные ориентации, а рассматривают их в общем негативном контексте.

В связи с усилением антирелигиозной политики, массовым закрытием храмов и репрессиями в отношении не только священников, но и членов общины, наблюдается деформация приходской структуры [37, л. 32–33об.]. Некоторые члены церковно-приходских советов, опасаясь репрессий со стороны государственных органов, отказывались от выполнения своих обязанностей. Как результат – в некоторых благочиниях в белорусских епархиях отсутствовали приходские органы [37, л. 33; 43, л. 10].

В 1930-е гг. увеличилось число священнослужителей-обновленцев, которые публично разрывали со своим церковным прошлым. Многие священники, не отрекаясь публично от сана, фактически переставали служить, скрывая свою принадлежность к духовенству. Таким образом, количество обновленческого духовенства, как и других церковных ориентаций, стремительно сокращалось не только за счет репрессий, но и за счет отказа от религиозной деятельности. Согласно статистическим данным на 1 июля 1931 г. в Минской епархии имелось 52% вакантных приходов, Полоцко-Лепельской – 29,7%, Оршанской – 14,5%, Гомельской – 5%, Мозырской – 18,1% [34, л. 9]. В среде Белорусской обновленческой церкви ощущалась нехватка не только священников, но и низших клириков: диаконов и псаломщиков, что не могло не повлиять на церковно-приходскую жизнь [25, л. 4–5].

При таких обстоятельствах Белорусский Священный Синод рекомендовал Епархиальным управлениям приступить немедленно к укрупнению приходов и объединению в одну приходскую единицу два, три, а по мере надобности и более приходов. При этом необходимо было согласовать объединение этих приходов с прихожанами так, чтобы не было недовольства и ссор между ними. Приходские церкви переходили в категорию приписных [30, л. 7].

Отношение верующего населения к обновленчеству на территории БССР епископ Полоцка-Лепельский епархии Иоанн Глыбовский описывал следующим образом: «Что касается массы православных, то в большинстве она религиозная, чувствует современный духовный голод, особенно это заметно в приходах, где нет пастыря и церкви закрыты. Почти каждый день являются в Управление с просьбой дать им священника, хотя на время, в ориентациях не разбираются, за немногими исключениями и то в приходах, где оперируют бродячие монашки и крестовые попы темного происхождения. Приходится посылать кого-либо из наличных иереев или самому ездить в приходы, жаждущие пищи духовной. К назидательному слову внимательны и любят его, особенно женщины, внимательны и мужчины, но почему-то опасаются проявлять свою ревность публично. При незначительном слове часто приходится видеть у слушателей слезы умиления, а иногда слышишь изтайка благодарность... Приходилось совершать и в тихоновских и в своих приходах отпевание по умершим и по окончании слышу в толпе отзыв: вот это погребение действительно архиерейское, вы пример нашим пастырям, вот в чем «обновление» и умильно просят побыть у них дольше и побеседовать; приходилось иногда и ночевать у них и напитать жаждущие их души. Тоже самое бывает и при церковном богослужении в деревнях» [38, л. 38-39].

В конце 1920–1930-х гг. типичной была ситуация, когда верующие не обращали внимания на то, к какой церковной ориентации принадлежит тот или иной священник. Главная цель, которую ставила перед собой община – наличие настоятеля в своем храме [33, л. 12].

В результате чего были не редки случаи, когда обновленческие приходы обслуживались тихоновскими либо автокефальными священнослужителями и наоборот [34, л. 8–9; 38, л. 37–38об.; 31, л. 7]. Авторитет священника в среде верующих в первую очередь зависел не от принадлежности к той или иной церковной ориентации, а был обусловлен непосредственно его личными качествами: отсутствие вредных привычек, выдержка, образованность и т.д. [51, л. 97; 20, л. 4].

В тех случаях, когда священники как обновленческой, так и тихоновской ориентаций обладали недостаточной идейностью и аморальным поведением прихожане либо обращались в вышестоящие церковные органы с просьбой о смене священнослужителя [32, л. 38; 40, л. 44–44об.], либо прекращали посещать храм [39, л. 72–73об.].

29 апреля 1935 г. Священный Синод православных церквей в СССР заявил о самороспуске и ликвидации всей коллегиальной системы управления обновленческой церкви. Согласно данному постановлению, вся система учреждений Белорусской обновленческой церкви была ликвидирована [47, л. 46об.]. В 1935–1939 гг. были закрыты все приходы православной конфессии вне зависимости от церковной ориентации. Священники снимали сан, арестовывались, расстреливались.

Согласно архивным документам на июнь 1938 г. на территории БССР действовало только 2 церкви: одна в Орше и одна в Мозыре. Священников насчитывалось 15, из них 13 сняли сан [14, л. 56]. При отсутствии священников их функции не редко выполняли верующие [53, с. 306].

Заключение. Таким образом, в течение 1920–1930 гг. в период возникновения и функционирования обновленческих структур на белорусских землях отношение верующих к обновленческому духовенству претерпело определенную трансформацию.

На начальных этапах организации обновленчества духовенство невозможно точно разделить на сторонников и противников новой церковной ориентации. Недостаток информации о происходящих событиях как в Москве, так и в центрах епархий приводил к отсутствию каких-либо активных форм сопротивления верующих и священнослужителей в отношении новой церковной ориентации.

В результате Второго Всероссийского Поместного Собора 1923 г. и выхода на свободу патриарха Тихона происходит разделение взглядов белорусского духовенства и верующих по отношению к обновленчеству. Тем не менее, отношение прихожан к новой церковной власти зависело от выбора настоятеля, который не всегда ставил в известность свою паству о своем предпочтении. В тоже время настоятели позиционировали свое отношение к подчинению обновленческим руководящим центрам как формальное. Приходское духовенство в стремлении реализовать требования и обновленческого руководства, и приходских советов практиковало одновременное соблюдение видимости формального подчинения обновленческим Епархиальным управлениям и в то же время подчинялось воле прихожан в организации приходской жизни. Поэтому многие приходы считали себя «тихоновскими», выполняя распоряжения Белорусского Священного Синода и Епархиального управления.

В конце 1920–1930-х гг. в результате изменения государственной политики по отношению к религиозным организациям позиция верующих к различным церковным ориентациям изменилась. В этот период прихожане выдвигали на первый план наличие священнослужителя как такового, не акцентируя внимания на его церковную принадлежность.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что отношение верующих к обновленческому движению на белорусских землях колебалось от лояльности, безразличия до недоверия и крайней нетерпимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Святейшего патриарха Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. – М. : ПСТБИ, 1994. – 1063 с.
2. Архивы Кремля : в 2 кн. / подгот.: Н.Н.Покровский, С.Г.Петров. – Новосибирск : Сиб. хронограф. – М. : Росспэн, 1997. – Кн. 2. Политбюро и церковь, 1922–1925 / подгот.: Н.Н.Покровский, С.Г.Петров, 1997. – 647 с.
3. Бараненка, В. В. Унутрыцаркоўная барацьба на тэрыторыі Віцебскай епархіі ў 1920-х – пачатку 1930-х гг. / В. В. Бараненка // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. прац міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 21–23 красав. 2011 г. : у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т; пад агульн. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача. – Наваполацк, 2011. – Ч. 2. – С. 3–11.
4. Бараненко, В.В. Епископ Мелхиседек (Паевский) и обновленческое движение в Советской Белоруссии (1922–1923 гг.) / В. В. Бараненко // Клио. – 2015. – № 4. – С. 195–202.
5. Журнал заседания Белорусского Православного Священного Синода от 3 июля 1924 г. // Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 332. Оп. 1. Д. 9. Л. 173–173об.
6. Двухнедельная информационная сводка Могилевского уездного государственного политического управления за время с 21 по 28 сентября 1922 г. // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее – ГАОМО). – Ф. 6622. Оп. 1. Д. 119. Л. 91–92.
7. Месячная информационная сводка Могилевского уездного государственного политического управления за время с 1 сентября по 1 октября 1922 года // ГАОМО. – Ф. 6622. Оп. 1. Д. 119. Л. 94–95об.
8. Деяния II-Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви (Бюллетени). – М. :Высш. совет Рос. православ. Церкви, 1923. – 20 с.
9. Протокол общего собрания верующих православного вероучения граждан города Полоцка в храме Единоверческого прихода от 14 января 1923 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке (далее – ЗГАПол). – Ф. 51. Оп. 1. Д. 116. – Л. 36–36б.
10. Протокол приходского собрания Богоявленского прихода г. Полоцка от 3 декабря 1922 г. // ЗГАПол. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 58. – Л. 571–572.
11. Кривонос, Ф. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы) / Ф. Кривонос. – Минск : МФЦП, 2007. – 240 с.
12. Навіцкі, У. Палітыка расколу Рускай Праваслаўнай Царквы ў Беларусі (1920-я гг.) / У. Навіцкі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – №2. – С.40–48.
13. Заявление члена пятерки Преображенской церкви г. Минска В. Н. Пшелко на имя Уполномоченного Священного Синода по Минской епархии протоиерея Ф. Курышева от 27 сентября 1923 г. // Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 34. Оп. 1. Д. 197а. Л. 146–146об.
14. Докладная записка об антисоветской деятельности церковников и сектантов в БССР по состоянию на 21 июня 1938 г. // НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 13219. Л. 56–77.
15. Ходагаістыво Беларускаго Священнаго Синода перед ЦИК БССР о более справедливом и соответствующем платежной силе духовенства обложении // Национальный исторический архив Республики Беларусь (далее – НИАБ). – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 134. Л. 47–47об.
16. Копия протокола заседаний Пленума Священного Синода Белорусской Православной церкви, созданного Президиумом Белорусского Священного Синода на 9-е февраля 1926 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 139. Л. 13–30.
17. Докладная записка Гомельского епархиального управления Белорусскому Священному Синоду о положении Гомельской епархии на 1-е октября 1927 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 151. Л. 15–16об.
18. Рапорт священника Янушковичской церкви Минского округа Лагойского района В. Околовича Уполномоченному по Минской епархии священнику В. Пигулевскому от 2 марта 1925 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 158. Л. 57–57об.

19. Письмо архимандрита Слуцкого монастыря Савватия митрополиту Иосифа Кречетовича об отношении местного населения к его предстоящей хиротонии во епископа Слуцкого от 4 октября 1926 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 201. Л. 13–14.
20. Постановление заседания Минского Епархиального Управления от 17 сентября сего 1926 года за № 27 о возведении в сан архимандрита игумена Слуцкого Свято-Троицкого мужского монастыря Иринаея (Гуриновича) // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 201. Л. 4.
21. Докладная записка священника Ничипоровской церкви и церковного старосты в Белорусский Священный Синод о насильственных действиях со стороны тихоновцев от 23 августа 1926 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 205. Л. 23–24об.
22. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 221. Л. 11–14об.
23. Прошение Минского епархиального управления в Белорусский Священный Синод о благословении организации Слуцкого викариального управления от 14 сентября 1926 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 237. Л. 21–21об.
24. Докладная записка Оршанского епархиального управления в Белорусский Священный Синод от 10 февраля 1927 г. о положении Оршанской епархии // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 313. Л. 11–12.
25. Рапорт благочинного 3-го округа Сенненского Рика протоиерея К. Шафрановского об отсутствии псаломщиков в церквях округа от 14 марта 1928 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 357. Л. 4–5.
26. Рапорт благочинного 1-го Мстиславского округа протоиерея Георгия Страгоновича о состоянии церквей и положения духовенства округа от 20 июля 1925 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 36. Л. 5–6об.
27. Выписка из протокола № 14 заседания Гомельского Епархиального Управления от 25 октября 1928 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 361. Л. 6боб.
28. Доклад благочинного 2-го округа Могилевского уезда протоиерея Михаила Волкова о состоянии церквей округа за 1924 г. от 23 марта 1925 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 37. Л. 3–5об.
29. Протоколы заседаний Оршанского Епархиального Съезда духовенства и мирян 19-20 июля 1928 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 391. Л. 26–55.
30. Циркуляр Белорусского Священного Синода епархиальным управлениям Белоруссии о неправомерных действиях последних. 1929–1930 гг. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 401. Л. 7–7об.
31. Протоколы Пленума Белорусского Священного Синода от 24-26 мая 1929 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 407. Л. 1–17.
32. Прошение прихожан Дубровенской Свято-Покровской церкви на имя Митрополита Даниила о замещении священника С. Барцевича из-за аморального поведения от 24 ноября 1928 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 451. Л. 38–39об.
33. Рапорт протоиерея И. Брецкого о положении в Кричеве и о беспрепятственности его перехода в другую епархию от 25 января 1930 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 459. Л. 12–12об.
34. Сведения о движении положения по епархиям Белоруссии за 1930 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 464. Л. 8–9.
35. Сообщение Белорусского Священного Синода протоиерею Иоанну Витвицкому о его назначении на священническое место к Михайло-Архангельскому собору г. Мозыря ад 25 сентября 1930 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 475. Л. 75–75об.
36. Докладная записка Слуцкого Викариального Церковного Управления Белорусскому Священному Синоду о деятельности староцерковного духовенства в г. Слуцке за 1930 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 480. Л. 3–3об.
37. Рапорт протоиерея А. Благовещенского о положении Кохановичской церкви Полоцко-Лепельской епархии за 1931 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 487. Л. 32–33об.
38. Рапорт епископа Полоцко-Лепельского Иоанна Глыбовского о состоянии епархии за 2-е полугодие 1930 г. от 31 марта 1931 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 501. Л. 37–39об.
39. Прошение на имя митрополита Белорусского Даниила Грамовенко верующих Лепельской Соборной общины о замещении священника Г. Шпака за аморальное поведение от 8 апреля 1932 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 506. Л. 72–73об.
40. Прошение на имя митрополита Белорусского Даниила Грамовенко верующих Лепельской Соборной общины об урегулировании церковной жизни от 21 апреля 1933 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 539. Л. 44–44об.
41. Письмо протоиерея г. Дубровно Е. Лаврановича митрополиту Белорусскому и Минскому Даниилу Грамовенко от 29 октября 1934 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 562. Л. 2–4об.
42. Сведения о Баноньской церкви Витебской епархии и ее общины от 30 мая 1934 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 567. Л. 19–22об.
43. Сведения о приходах, духовенстве и церковных советах Мозырской епархии на 1 октября 1934 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 580. Л. 7–10об.
44. Протокол общего собрания обновленческой группы города Минска от 6 апреля 1924 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 6. Л. 8–8об.
45. Докладная записка Минского епархиального управления Белорусскому Священному Синоду о положении дел в г. Минске и Минской епархии за 1925 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 61. Л. 25–28.
46. Рапорт благочинного 2 округа бывшего Чаусского уезда А. Тужова в Могилевское епархиальное управление от 23 марта 1925 г. // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 97. Л. 2–3об.
47. Протокол № 4 заседания Могилевского епархиального управления от 24 мая 1935 г. // НИАБ. – Ф. 3375. Оп. 1. Д. 2. Л. 46об.–47.
48. Нормальный приходской устав для общин, находящихся в ведении священного синода Белорусской Православной церкви, принятый III Белорусским поместным Собором // Белорусский Православный Вестн. – 1927. – № 1–2. – С. 6–7.

49. О деятельности Священного Синода и о мероприятиях к примерению церковного разделения (Доклад Протопресвитера П.Н. Красотина) // Вестн. Священного Синода Православной Российской Церкви. – 1926. – № 6. – С. 14–18.
50. Одинцов, М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. / М. Одинцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с.
51. Православная церковь на Витебщине (1918–1991) : док. и материалы / редкол.: М.В. Пищуленок (гл. ред.) [и др.]; сост. В.П. Коханко (отв. сост.) [и др.]. – Минск : НАРБ, 2006. – 365 с.
52. Программа церковных реформ, намеченных группой духовенства и мирян «Живая Церковь», в развитии своих основных положений, принятых на учредительном собрании группы 16/29 мая 1922 года // Живая Церковь. – 1922. – № 10. – С. 17–18.
53. Протьяка, Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. С. Протьяка. – Минск : Тесей, 2002. – 688 с.
54. Краткая историческая записка о положении православной церкви в Полоцкой епархии // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 831. Оп. 1. Д. 205. Л. 2–5об.
55. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД, 1918–1939 : документы и материалы : в 4 т. / Институт российской истории РАН [и др.] ; под ред. А. Береловича (Франция), В. Данилова (Россия). – М. : РОССПЭН, 1998. – Т. 1: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ, 1918–1922 / сост.: Л. Борисова [и др.] ; редкол.: А. Берелович, В. Данилов (отв. Ред.) [и др.], 1998. – 861 с.
56. Сообщение Витебского епархиального управления от 2 апреля 1928 г. Белорусскому Православному Священному Синоду о посещении Городка архиепископом Витебско-Городоцким Александром Щербаковым // НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 337. Л. 5–7.
57. Шиленок, Д. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922-1939) / Д. Шиленок. – М. : Крутицкое подворье, 2006. – 218 с.

Поступила 7.12.2015

RELATION OF BELORUSSIAN ORTHODOX CITIZENS TO RENOVATION MOVEMENT IN 1920 -1930S

V. BARANENKA

This work includes analysis of religious citizens' relation to renovationism during first two decades of Soviet regime. The processes that had certain impact on relation of believers to renovationist clergy are analyzed. On the basis of Belorussian and Russian archives the author proves that reaction of religious part of country's population to the new church movement largely depended on relation of beneficiary or eparch to this movement. Most representatives of religious part of the population, especially countrymen, uneducated and non-familiar with terminology, didn't divide clergy into renovationists and supporters of Patriarch Tikhon.

Keywords: renovationist structure, clergy, public policy, religious orientation.